

Наталья Антонова

Убийственная
СТРАСТЬ



— Уютный детектив —

Наталья Николаевна Антонова
Убийственная страсть
Серия «Детективное агентство
«Шведское варенье»», книга 5
Серия «Уютный детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841022

Убийственная страсть:
ISBN 978-5-04-171230-3

Аннотация

На что готова пойти дама в преклонном возрасте, чтобы продлить свою молодость? Правильно, на многое, включая самые нестандартные способы... Но значит ли это, что ради омоложения женщина готова даже совершить убийство? В ответах на эти вопросы полиция практически не сомневается: «горячая штучка» по имени Анжелика, вопреки своему возрасту менявшая любовников как перчатки, сама же и убила одного из них. Однако в игру вступает непревзойденная сыщица элегантного возраста – Андриана Карлсоновна, которая докажет, что история более запутанная, чем кажется...

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 19 |
| Глава 3 | 41 |
| Глава 4 | 60 |
| Глава 5 | 72 |
| Глава 6 | 84 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 91 |

Наталия Антонова

Убийственная страсть

© Антонова Н.Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Действующие лица и события романа
вымышлены, и сходство их с реальными лицами и
событиями абсолютно случайно.*

Автор

Андриана Карлсоновна, владелица детективного агентства «Шведское варенье», лежала обнажённая на шёлковой простыне золотисто-песочного цвета и вспоминала свой давний отдых в Паланге и, конечно, женский пляж с его прогретым солнцем песком, где все дамы, независимо от возраста, загорали нагими.

Ей вспомнилась особа бальзаковского возраста, которая, для того чтобы загорели все складочки в труднодоступных местах, широко раздвинула ноги навстречу солнечным лучам.

– Так можно и зачать непорочно от Ярилы, – пошутил кто-то.

– Скорее уж от их Сауле.

– От какого есаула? – удивилась третья из присутствующих дам.

– Не есаула, а Сауле, это их бог солнца.

Особа же, в чью сторону были направлены эти словесные стрелы, и глазом не моргнула.

* * *

Льётся музыка танго.

С неба светит луна,

Белые пляжи Паланги.

Я без тебя! Одна.

Ты – далеко-далече,

Не дарованный мне судьбой.

Мысленно в этот вечер

Я танго танцую с тобой.

Пусть никогда не встречу

Больше твой любящий взор,

Танго вдвоём каждый вечер

Мы танцуем в мечтах до сих пор.

(Муза, которая мимо пролетала.)

Глава 1

За железной дверью одной из квартир уже несколько дней стояла зловещая тишина. Не цокали весело каблучки, приближаясь ко входу, не щёлкал то и дело замок. Но кому какое до этого дело? Люди в наше время живут замкнуто, каждый за своей железной дверью. Советское добрососедство, когда и дверь, и душа были нараспашку, сменилось суровым англосаксонским – «мой дом – моя крепость». И принято это было буквально. Теперь даже соседи, живущие на одной площадке, не знают друг друга в лицо, и двери даже сотрудникам управляющих компаний открываются не всегда, а если и открываются, то весьма неохотно. Так что безмолвием одной из квартир никто не интересовался до поры до времени.

Первой встревожилась Лулу – воспитанная блондинка пепельного окраса. Сначала она пару раз вздохнула возле запертой квартиры, потом потянула носом воздух, встревоженно взвизгнула и нервно замахала роскошным хвостом. Почему хвостом? Потому что ничем другим махать Лулу не умела. Разве что ушами время от времени встряхивала. Лулу была жизнерадостной и очень приветливой болонкой, живущей в квартире напротив. Услышав повизгивание своей любимицы, на площадку вышла жена профессора Черинского, Изольда Ростиславовна Черинская.

– Что случилось, Лулу? – спросила она, оглядываясь на

порог своей квартиры. Её муж, Эдуард Леопольдович, уже три дня как был на симпозиуме в Париже. Изольда Ростиславовна на этот раз отказалась ехать вместе с ним. «Чего я там не видела, в этом Париже», – заявила она снисходительно. На самом же деле Черинская не захотела ехать за границу из-за царящей в мире беспокойной обстановки. В прежние стабильные годы она с удовольствием путешествовала с мужем по всему миру. Изольда Ростиславовна обожала своего мужа и без него чувствовала себя неудобно. «Если бы не Лулу», – подумала она и оборвала свои мысли, снова обратившись к собаке: – Милая, что там?

Лулу виновато замахала хвостом. Ей жаль было тревожить хозяйку. Но истина дороже. Болонка точно знала, что там, за железной дверью, что-то не так. Тем временем Изольда Ростиславовна подошла поближе и точно так же, как её любимица, втянула носом воздух.

– Чем это так противно пахнет? – проговорила она вслух. Подошла ещё ближе и нажала на кнопку звонка. Дверь ей никто не открыл.

Черинская хорошо знала хозяина этой квартиры, Севастьяна Павловича Игнатьева. Знала она и его покойную жену, Марину Геннадьевну, и их дочку, Глашу. Теперь уже Аглаю Севастьяновну, в замужестве Ипполитову. Но теперь в квартире обитали посторонние люди. После смерти жены Севастьян Павлович переехал жить к дочери, благо зять не возражал, а внуки были рады деду. Квартиру же Игнатьев

сдавал.

И вот теперь, стоя на площадке в лёгком шёлковом халатике и переминаясь с ноги на ногу, Черинская представления не имела, что делать. «Как это неудобно, – подумала она, – что мужа нет рядом. Эдик всегда точно знает, что нужно делать в том или ином случае».

– Лулу, – с беспомощным выражением лица обратилась она к собаке.

Та тихо гавкнула и побежала вниз по лестнице. Спустившись на следующую площадку, собака подбежала к двери квартиры, которая находилась под квартирой Игнатьева.

– Лулу, ты гений! – обрадовалась хозяйка и спустилась вслед за собакой. Она подошла к двери и нажала на звонок.

В этой квартире жила Ираида Матвеевна Ключевская. Долгое время она была ректором университета. И теперь, несмотря на свой преклонный возраст, всё ещё читала лекции по российской истории. Коллеги и руководство, но главное – студенты, называли Ираиду Матвеевну уникамом. Негласно считалось, что с её уходом для исторического факультета завершится целая эпоха. Её фамилия в глазах многих только подчёркивала значительность Ключевской как преподавателя, который, казалось, держал в гараже машину времени и умудрился лично побывать во всех эпохах, побеседовав конфиденциально практически со всеми заметными историческими личностями.

Дверь открылась не сразу, и Изольда Ростиславовна, за-

нервничав, спросила собаку:

– Лулу, как ты думаешь, Ираида Матвеевна сегодня не уехала в университет?

Лулу ободряюще гавкнула и посмотрела на хозяйку выразительным взглядом, как бы говоря: спокойствие, только спокойствие.

– Что же, тебе лучше знать, – вздохнула Черинская, полностью доверявшая чутью своей собаки. Нередко Изольда Ростиславовна думала о том, что Лулу такая же умная, как и её муж, профессор Черинский.

Вот и на этот раз Лулу оказалась права. Дверь хоть и с опозданием, но распахнулась.

– Это вы, девочки?! – радостно воскликнула Ираида Матвеевна. – Заходите. Тебя, Изольдочка, я угощу чудесным печеньем, которое мне вчера подарил профессор Мирский. Впрочем, и Лулу, наверное, можно дать кусочек.

– Ираида Матвеевна! Мы с удовольствием, но в другой раз, – встревоженно проговорила Черинская и, посмотрев на собаку, проговорила: – Лулу кажется, что в квартире над вами что-то неладное случилось. Да, Лулу?

Собака подтверждающе гавкнула.

– Что там могло случиться? – недоумённо отозвалась Ключевская.

– Нам кажется, – ответила Черинская, снова бросив взгляд на собаку, ища у неё поддержки, – что рядом с дверью неприятно пахнет.

– Ах ты, боже мой, – всплеснула руками Ираида Матвеевна, – хорошо, пойдёмте, понюхаем. Эдик ещё не вернулся? – спросила она Изольду Ростиславовну.

– Нет, он приедет только через неделю, – ответила Черинская и пожаловалась: – Мы с Лулу так одиноко чувствуем себя без него.

Собака подняла ухо, делая вид, что задумалась, но не издала ни звука в ответ, решив не расхолаживать хозяйку. Ведь узнав, что и Лулу чувствует себя без хозяина беспомощной, она могла вообще опустить руки. А допустить этого Лулу не могла.

Подойдя к двери, вызвавшей подозрение у Лулу, Ключевская нажала на звонок.

– Я уже звонила, – тихо сказала Черинская.

Ираида Матвеевна принялась и проговорила:

– Да, девочки, боюсь, что вы правы, запах из-под двери идёт, мягко говоря, неприятный.

– Что же делать? – испуганно округлила глаза Изольда Ростиславовна.

– Звонить в полицию! – отрезала Ключевская.

– А может, сначала Севастьяну Павловичу? – просительно проговорила Черинская.

– Ему параллельно! – отрезала преподавательница истории.

– Как это параллельно? – совсем растерялась жена профессора Черинского.

– Я позвоню в полицию, а вы звоните Игнатьеву. У вас есть его телефон?

– Нет, – покачала головой Изольда Ростиславовна, – Эдик где-то записывал, но я не интересовалась где.

– И как он только вас одну оставил? – вырвалось в сердцах у Ключевской.

– Я сама не захотела поехать, – жалобно проговорила жена профессора.

– Зря! – категорично заявила Ираида Матвеевна.

– Теперь и сама вижу, что зря, – вздохнула женщина и добавила: – Если бы не Лулу...

Но Ключевская её не дослушала.

– Идёмте ко мне. У вас мобильник с собой?

– Сейчас возьму, – Изольда Ростиславовна метнулась было в прихожую, но увидела, что Лулу уже держит её сотовый в зубах.

– Молодец, девочка! – похвалила Ключевская собаку.

Все трое спустились вниз. Ираида Матвеевна быстро нашла номер телефона Игнатьева, сунула его под нос соседке сверху – звони! Сама позвонила в полицию и коротко изложила ситуацию.

Изольда Ростиславовна тем временем всё ещё объяснялась с Игнатьевым. Севастьян Павлович никак не мог понять, чего именно от него хочет соседка.

Ираида Матвеевна решительно взяла мобильник из холёных рук профессорши и проговорила:

– Сева! Ты меня слушаешь?

– Ира? – удивился Игнатъев. – Что у вас там случилось?

– Случилось что-то в твоей квартире! Не разглаговльствуй!

Бери ноги в руки и дуй сюда! Понял?

– Понял! Еду, – отозвался Игнатъев.

– Мы будем у Изольды, – сказала Ираида Матвеевна и отключила связь.

Но уйти в квартиру Черинских они не успели. У кого-то внизу сработал домофон. Дверь в подъезд распахнулась, и по лестнице загромыхали шаги сразу нескольких ног.

– Полиция приехала, – сказала Ключевская и оказалась права.

Первым на лестничную площадку ступил молодой широкоплечий мужчина.

– Капитан Турусов Виталий Сергеевич, – представился он. Его тёмно-карие глаза внимательно осмотрели женщин.

– Я Ираида Матвеевна Ключевская, а это Изольда Ростиславовна Черинская, это Лулу, – машинально представила она и собаку, – мы соседи.

– Что тут у вас произошло? – спросил Турусов обеих женщин сразу.

Лулу громко тявкнула, вероятно, хотела сообщить, что это именно она подняла тревогу. Но капитан проигнорировал собаку, ответила ему Ключевская.

– Вот из этой квартиры, – она указала на дверь рукой, – идёт подозрительный запах.

– Кто хозяин квартиры?

– Севастьян Павлович Игнатьев.

– Он живёт один?

– Он не живёт! – внезапно выкрикнула Изольда Ростисла-

вовна.

Суровый римский нос капитана повернулся в сторону профессорской жены.

– Что? – спросил он несколько недоумённо.

– Я хотела сказать, что Севастьян Павлович сейчас не живёт в этой квартире, – стушевалась Изольда Ростиславовна.

– Кто же здесь живёт? – На этот раз капитан почему-то посмотрел на Лулу.

Но собака отвернулась, оскорблённая до глубины собачьей души первоначальным невниманием полицейского к её особе.

– Этого мы не знаем, – вступила в разговор Ираида Матвеевна, – Игнатьев сдаёт квартиру. Кому именно, нам неизвестно.

– У вас есть его телефон? Адрес проживания?

– Есть. Мы уже позвонили ему, и он сейчас подъедет.

– Хорошо, не будем пока вскрывать квартиру, подождём.

Но недолго, – предупредил Турусов и добавил: – Вы обе будете понятыми.

Обе женщины закивали. Лицо Ключевской при этом ничего не выражало: ни волнения, ни любопытства. А Черинская выглядела испуганной и машинально придвинулась по-

ближе к Лулу.

В это время зазвонил телефон Турусова.

– Слушаю, – мгновенно отозвался он. Помолчав, проговорил тоном, каким информируют начальство: – Мы на месте. Здесь подозрительная квартира. Соседи, вернее, соседки, вызвали полицию. – Вероятно, его перебили, потому что он замолчал, выслушал собеседника и пояснил: – Квартира принадлежит пенсионеру. Он её сдаёт. Скоро должен подъехать. Вскрывать квартиру не стали, к чему лишний шум поднимать. – Снова пауза, после которой капитан отрапортовал: – Понял, – и отключил связь.

– Итак, барышни, – сказал он, повернувшись к женщинам.

От удовольствия взвизгнула только Лулу. Ираида Матвеевна посмотрела на него строго-осуждающе, а по лицу профессорской жены было видно, что она чувствует себя оскорблённой.

– Прошу извинить меня, – проговорил капитан, – я лишь хотел сказать, что хозяин квартиры задерживается.

– Он же не на ковре-самолёте летит, – ответила Ираида Матвеевна.

– Согласен, – ответил капитан, – но полиция не может дневать и ночевать на лестничной площадке в вашем подъезде. – Не удержавшись, он добавил: – Даже в обществе таких обязательных дам, как вы.

Ираида Матвеевна фыркнула, а Изольда Ростиславовна слегка зарумянилась, подумав при этом про себя: «Ах, какой

шалун».

И только Лулу не проявила на этот раз никаких эмоций. Видно, что ей больше понравилось обращение «барышни». Ведь она по сути своей была ещё юной девушкой, хоть и собакой, а значит, как ни крути, барышней.

Капитан уже хотел послать одного из своих сотрудников за слесарем, как дверь подъезда открылась, и кто-то стал торопливо подниматься по лестнице. Вскоре на лестничной площадке возник запыхавшийся мужчина преклонного возраста.

– Что случилось? – закричал он, обводя взглядом всех присутствующих.

Не дав ответить ни одной из женщин, капитан спросил:

– Вам принадлежит эта квартира? – он кивнул в сторону квартиры Игнатьева.

– Моя! Чья же ещё! – ответил тот несколько невпопад.

– Ваши соседки вызвали полицию. Я Турусов Виталий Сергеевич, – капитан развернул перед глазами пенсионера своё удостоверение и попросил: – Представьтесь, пожалуйста.

– В чём, собственно, дело? – начал возмущаться Игнатьев, но потом махнул рукой и назвал себя: – Севастьян Павлович Игнатьев.

– А теперь откройте, пожалуйста, квартиру, – попросил капитан.

– Но... – начал пенсионер.

– Севастьян Павлович, – на этот раз сердито прервала его Ключевская, – принюхайся сам! Из-под двери твоей квартиры несёт скотобойней!

Игнатьев вскинул брови, и присутствующим показалось, что пенсионер сейчас произнесёт возмущённо: «В моём доме попрошу не выражаться». Но он снова только махнул рукой, полез за ключами и открыл дверь. И когда она распахнулась, одуряющий запах хлынул на площадку волной. Даже ко всему привыкшие сотрудники полиции стали прикрывать нос кто чем мог. Жена профессора достала из бюстгальтера надушенный шёлковый платочек и закрыла им почти всё лицо.

– Понятые, – проговорил Турусов, когда опергруппа уже шагнула в квартиру.

Неожиданно для капитана Ключевская подбежала к лестнице и стала подниматься вверх.

– Вы куда, гражданочка?! – крикнул он.

– Я сейчас Даню приведу. Он живёт над квартирой Игнатьева. Будет понятым.

– Двоих достаточно! – попытался остановить её капитан.

– Вы на Изольду посмотрите!

И капитан посмотрел. Изольда Ростиславовна, белая как мел, кажется, собиралась упасть в обморок. Усатый участковый опередил кинувшегося было к ней капитана и подхватил её на руки.

– Куда мне теперь девать дамочку? – растерянно спросил

он, держа на руках профессорскую жену.

К этому времени успела вернуться Ключевская.

– За вашей спиной её квартира, дверь открыта, просто толкните её плечом и внесите Изольду.

– А дальше? – спросил участковый.

– Степаныч, да брось ты там её на какую-нибудь мягкую мебель! – выкрикнул кто-то из оперов.

– Понял. Но она вроде без сознания, – с сомнением проговорил жалостливый участковый.

– Полежит и очухается, – сказал капитан. – А если хочешь, вылей на неё стакан!

– Стакан он лучше в себя выльет, – пошутил кто-то.

– Шутники выискались, – прикрикнул капитан, – я имел в виду стакан воды!

Но Степаныч уже скрылся за дверью.

Вслед за Ключевской на лестничную площадку спустился долговязый парень лет двадцати двух или чуть больше.

– Это Даня, – сказала она, – студент-медик. В обморок не упадёт.

– Да уж постараюсь, – невесело улыбнулся парень и представился: – Даниил Александрович Мишин.

– Я бы вам сказал, очень приятно, – пробормотал капитан, – но не при этих обстоятельствах.

– Оно и понятно, – кивнул студент.

Лулу хотела было проскользнуть в квартиру Игнатьева вместе с полицейскими, но вовремя остановилась, вспомнив

про свой собачий долг, и поспешила домой приводить в чувство и утешать собственную хозяйку.

Глава 2

Понятых попросили только взглянуть на труп. Ключевская держалась молодцом, Даниил тоже, хотя и побледнел слегка. Оба они ни разу не видели этого человека.

Хозяина квартиры пришлось отпаивать на кухне валерьянкой, он клялся и божился, что впервые видит этого гражданина. Он не отрицал того, что квартиру сдавал. Но приличной женщине-пенсионерке, правда, она сказала, что снимает её для своей племянницы, молодой женщины из маленького городка. Пенсионерка объяснила, что родственница свалилась ей как снег на голову.

– И что? – не сразу понял капитан. – Квартиру-то она зачем сняла?

– Я тоже так же у неё спросил, – ответил, утирая пот со лба, хозяин квартиры. – Она мне ответила, мол, на улицу родню не выгонишь, а жить вместе я не могу.

– Почему же это? – не унимался Турусов.

– Сказала, что привыкла жить одна.

– И вас это не насторожило? – уточнил капитан.

– Нисколько. Мало ли какие у кого в голове тараканы, – уже спокойнее заговорил пенсионер, – если у человека есть лишние деньги, то добро пожаловать. Тем более что она дала задаток и потом платила всегда исправно.

– И долго она снимала у вас квартиру?

– Третий год пошёл.

– А племянницу, которая стала жить в вашей квартире, вы видели?

– Нет, – покачал головой Игнатъев, – зачем мне на неё глядеть. Деньги мне на карточку приходили.

– Ну дела, – раздражённо проговорил капитан. – У вас хоть данные этой пенсионерки есть?

– Конечно! Она предъявила свой паспорт. Всё чин-чинарём.

Турусов вырвал из записной книжки листок, сунул его Игнатъеву под нос.

– Пишите.

– Что писать-то? – удивился Севастьян Павлович.

– Имя, отчество фамилию, телефон, адрес этой самой вашей пенсионерки.

– Да пожалуйста, – сердито ответил мужчина, – Лилия Вадимовна Арефьева она.

– Вы пишете!

– Пишу, – пробурчал Игнатъев и начал писать.

Капитан вышел из кухни. Судмедэксперт уже произвёл первичный осмотр.

– Ну что? – спросил Турусов.

– Зарезали ножом. Вернее, перерезали горло.

По лицу капитана пробежали тени.

– Хочешь посмотреть? – спросил судмедэксперт.

– Нет, я верю тебе на слово, – ответил Турусов быстрее,

чем ему хотелось бы. Подходить к полуразложившемуся трупу без острой необходимости ему не хотелось.

Судмедэксперт одарил его снисходительным взглядом.

– И он не сопротивлялся? – спросил капитан.

– Судя по всему, нет.

– То есть не ожидал нападения? Или даже знал убитого?

– Это не моя забота, – ответил судмедэксперт.

– Орудие убийства нашли?

– Никак нет, – ответил один из оперативников.

– Что же, убийца его с собой унёс?

– Не исключено, – ответил криминалист.

И капитан сразу переключился на него:

– И что там у нас с пальчиками?

– Пальчиков хватает.

– Не пропустите ничего.

– Учи учёного, – пробормотал криминалист себе под нос, но так, чтобы капитан услышал. Однако Турусов счёл за лучшее притвориться глухим.

Один из оперативников протянул Турусову паспорт:

– Нашли у убитого в кармане.

Капитан развернул его – Морозов Евгений Юрьевич. Местный. Не женат.

– Чёрт, – вырвалось у капитана, – парню всего тридцать восемь лет.

– Вы поглядите на фото, – посоветовал оперативник, – какой был красавец.

– По трупу этого не скажешь, – обронил Турусов.

– Так он уже дня четыре пролежал как минимум, – предположил оперативник.

– Правда? – обратился капитан к судмедэксперту.

– Что-то около того, – отозвался тот, – но все уточнения после вскрытия.

– И так всегда, – с некоторой грустью констатировал капитан.

– А что ты хотел, – пожал плечами судмедэксперт.

– Чего я хотел, – сыронизировал капитан, – чтобы у него в кармане лежала записка с именем, фамилией и адресом убийцы.

– Или хотя бы визитная карточка преступника, – вздохнул лейтенант Уваров. Парень не так давно был на оперативной работе и всё ещё не мог понять, является ли служба в полиции его призванием. Не то чтобы работа отталкивала его или он боялся трудностей, просто ещё не был уверен в своих силах.

Турусов понимал внутреннее смятение своего сотрудника и при случае его поддерживал. Вот и теперь, едва улыбнувшись краешком рта, он заметил:

– Чего, Дмитрий Михайлович, нос повесил? Не бойсь, мы и без визитки его найдём.

– Так точно, товарищ капитан, – бодро отчеканил Уваров.

– Молодец! Так держать.

Когда увезли труп, квартиру опечатали, хозяина отпусти-

ли, попросив не уезжать из города.

– Куда мне ехать-то? – ответил подавленный свалившимся на него печальным событием Игнатьев.

– Мало ли, – ухмыльнулся участковый, – я, например, повидал на своём веку немало любителей намылиться и смыться.

Севастьян Павлович, погружённый в свои мрачные мысли, ничего ему не ответил и побрел к лестнице, забыв попрощаться с соседями.

– Бедный дед, – пожалел старика студент Мишин.

– Ничего, он крепкий, справится, – ответила ему Ираида Матвеевна Ключевская.

Оперативники к тому времени начали проводить поквартирный опрос. Выходило как всегда – не знаю, не видел, моя хата с краю.

– Дьявол бы их всех побрал, – ругался сквозь зубы капитан Турусов.

Но всё-таки в двух квартирах оперативникам повезло. На первом этаже лейтенанту Уварову открыла дверь старенькая бабулька.

– Заходи, милоч, – пригласила она его без предисловий.

– Чего же это вы, – решил повоспитывать старушку оперативник, – распахиваете дверь первому встречному, даже не спросив, зачем он пришёл.

– А чего мне тебя спрашивать, – хитро прищурилась она, – и так уже весь подъезд знает, что вы тут ходите.

– Кто – вы?

– Полиция, вестимо.

Уваров думал, что она по привычке скажет – милиция. Но нет, то ли народ начал привыкать к переименованию, то ли бабулька ему попалась продвинутая.

– Тебя как звать-то? – между тем спросила старая женщина.

«Ёлы-палы, – подумал про себя лейтенант, – забыл представиться».

– Дмитрий Михайлович Уваров, – отрапортовал он.

– Дима, значит, – кивнула старушка, – а я Валентина Кузьминична, можно просто баба Валя или Кузьминична.

– А по фамилии? – спросил лейтенант.

– Зачем тебе моя фамилия? – удивилась старушка.

– Так положено, – произнёс оперативник суровым голосом.

– Ну, если положено, – улыбнулась Кузьминична, – то пиши – Гаврилова.

– Вы постоянно здесь проживаете?

– Последние семьдесят пять лет да, – гордо кивнула баба Валя и просветила лейтенанта: – А до этого мы с родителями жили в бараке.

– Сколько же вам лет? – вырвалось у оперативника.

– Ты что, жениться на мне, что ли, собрался? – хихикнула старушка.

– В смысле? – растерялся Уваров.

– В том смысле, что годами моими интересуешься. И того, видать, не знаешь, что у женщин про возраст спрашивать неприлично.

– Так я для протокола, – нахмурился лейтенант.

– Ну, если только для протокола, то пиши – восемьдесят пять.

– Ого! – присвистнул лейтенант.

– Чего свистишь-то, – теперь нахмурилась Кузьминична, – денег не будет.

– Так это у меня от восторга вырвалось, – начал смущённо оправдываться он.

– Если от восторга, тогда ладно, – махнула рукой старушка, – люблю, когда мной восторгаются. – Она внимательно посмотрела на него и добавила: – Небось думаешь, что старая в маразм впала.

– Ничего я такого не думаю.

– И правильно делаешь. Заруби на своём носу, что женщине в любом возрасте приятно, когда ею восхищаются.

– Валентина Кузьминична, – жалобно проговорил лейтенант, – давайте уже к делу перейдём. Я, между прочим, на работе.

– Ишь ты, шустрый какой! Жалко ему пару минуточек уделить старой женщине.

– Мне-то не жалко, – вдохнул оперативник, – только вот начальство мне шею намылит, если я буду заниматься не делом, а пустыми разговорами.

– Неужто оно у тебя такое строгое? – сделала вид, что не поверила, баба Валя.

– Очень, – заверил её оперативник, тщетно пытаясь скрыть улыбку.

– Спрашивай, – великодушно разрешила баба Валя, – только я сразу предупреждаю, что представления не имею, кто убил эту свиристёлку.

– Какую свиристёлку? – даже не попытался скрыть своего изумления оперативник.

– Жиличку Севастьяна.

– Вы имеете в виду квартирантку Игнатьева? – уточнил он.

– Кого же ещё?! Сам-то Севастьян жив-здоров. Видела, как он сначала вошёл в подъезд, слышала, как он топал по лестнице, точно за ним полчище чудищ мчалось. А недавно он вышел. И уже не торопился. Правда, лица на нём не было.

– Вы ошибаетесь, – улыбнулся оперативник.

– В чём же это я ошибаюсь? – упёрла руки в боки баба Валя. – Что на Севастьяне лица не было? Так я это собственными глазами видела!

– Нет, – невольно улыбнулся оперативник, – про лицо Игнатьева ничего сказать не могу. Но квартирантка Севастьяна Павловича, как мы надеемся, жива.

– Жива? – ахнула старушка. – Кого же тогда убили?

– Неизвестного молодого мужчину, – оперативник не собирался сообщать Кузьминичне имя жертвы.

– Господи ты, боже мой! – воскликнула старушка. – Доигралась!

– Кто доигрался?

– Жиличка Севастьяна. Вы его вызывали, чтобы он опознал убитого?

– Нет, он нам нужен был, чтобы не ломать дверь.

– Ага, понятно. А Севастьян его опознал?

– Кого?

– Убитого вашего?

– Нет, Игнатьеву личность жертвы неизвестна.

Только тут лейтенант сообразил, что они с бабой Валеёй поменялись местами. Не он её опрашивает, а она его. Поэтому Уваров постарался тут же придать себе солидный вид и опросить наконец неугомонную бабульку.

– Чего напыжился-то, – ласково улыбнулась она, – спрашивай. Чего знаю, скажу.

– Валентина Кузьминична, вы были знакомы с гражданкой, снимающей квартиру у Игнатьева?

– Нет. Она мне не представлялась и по-соседски за хлебом и солью ко мне не приходила.

– Понятно. Но она всё-таки вам знакома.

– Знакома или нет, суди сам. Кто-то сериалы цельными днями смотрит, а я в окно гляжу.

– Зачем? – удивился лейтенант.

– Как это зачем? То внука дожидаюсь из школы, то внучку из института, то дочку с работы. Да и на соседей интерес-

но посмотреть. Теперь ведь люди почти что не ходят друг к другу в гости, а во дворе я вижу их всех.

– Понятно. И что вы можете сказать о женщине, снимающей квартиру у Игнатьева?

– Что я могу о ней сказать, – задумалась Кузьминична. – Точно то, что постоянно она здесь не жила, но навевалась часто.

– Как часто?

– Раза три в неделю. Иногда чаще, иногда реже.

– Одна?

– Когда одна, а когда и с мужчинами.

– С несколькими? – вытаращил глаза оперативник.

– Нет, что ты, милоч! – рассмеялась старушка. – Зараз с одним!

– Так вы сказали, с мужчинами, – начал уточнять оперативник.

– Сказала, потому как мужчины были разными! Но каждый раз по одному она их приводила.

– А квартирантку Игнатьева вы описать можете?

– Могу. Хорошенькая блондинка, покрашенная, фигуристая. И разодета она всегда была в пух и прах! – прищёлкнула языком баба Валя. – Помню, зимой на ней шуба норковая была до земли. Я ещё думала, вот бы мне такую!

– Вам-то зачем? – отвисла челюсть у оперативника.

– Как зачем, – захихикала старушка, – для форсу! Чем я хуже её?

– Может, вы и лучше, – не подумав, брякнул лейтенант, – но она-то молодая!

– А я, по-твоему, старая?

– Не так чтобы очень, – проблеял он растерянно.

Баба Валя презрительно фыркнула и передразнила оперативника:

– Не так чтобы очень. Так вот, намотай себе на ус – интересующая тебя особа не так чтобы очень молода.

– Как так, – удивился лейтенант, – разве она не молоденькая?

– Для тебя точно нет, – рассмеялась старушка, – а если смотреть с высоты моего возраста, то она ещё девчонка.

– Так сколько же ей лет?

– От тридцати до сорока пяти. А может, и больше.

– Вот оно что, – пробормотал лейтенант и уточнил: – А вы хорошо её разглядели?

– Хорошо. Только при этом учти, что она сильно расписная.

– Что значит расписная?

– То и значит, что на ней пуд косметики.

– Может, ей всё-таки меньше тридцати, – продолжал упорствовать Уваров.

– Эх, милок, у меня зрение, как у орла! Дай тебе бог в моём возрасте видеть так же.

– Я столько не проживу, – буркнул Уваров.

– Куда ж ты денешься! – Старушка снова рассмеялась. –

Медицина чешет и чешет семимильными шагами вперёд! Так что не бойсь, до ста лет доживёшь!

– Ладно, – сказал оперативник, – оставим пока в стороне вопрос о моём долгожительстве. Вы мне лучше скажите, эта женщина на машине или нет?

– Когда одна приходила, то не знаю, на чём добиралась. Машину во дворе не ставила, но ведь могла и оставить её на стоянке. А вот кавалеры её иной раз прямо чуть ли не у подъезда машины оставляли.

– Так, может, вы запомнили какую-нибудь из этих машин?

– Конечно, запомнила, – кивнула Кузьминична.

– Назовите марку и цвет автомобилей.

– Нет, – покачала головой старая женщина, – в машинах я ничего не понимаю. Могу только сказать, что все они нерусские.

– Мужчины? – не понял оперативник.

– Нет, машины, – хихикнула старушка.

– Может, номер запомнили?

Она задумалась, а потом ответила:

– Только цвет.

Оперативник вздохнул, цвет автомобиля мало чем мог помочь, но на всякий случай записал перечисленные колеры автомобилей и распрощался со словоохотливой старушкой.

Записи свои Уваров показал капитану. На что Турусов пробормотал:

– И чего ты суёшь мне под нос эту филькину грамоту?

– К сожалению, Виталий Сергеевич, старушка больше ничего не запомнила.

– Ты сказал, что у неё есть дочь, внуки, может, они что-то видели?

– Им сидеть у окна некогда, так что навряд ли они могут помочь, – почесал за ухом лейтенант.

– А ты всё ж таки расспроси их, – посоветовал капитан.

– На данный момент никого из них дома нет.

– Придётся приехать позднее.

– Придётся, – поскутнел оперативник. И неожиданно оживился: – Игнатъев говорил, что пенсионерка снимала у него квартиру для своей племянницы. Только вот племянница сама, по словам Валентины Кузьминичны Гавриловой, была немолода.

– То есть?

– Она точно указать её возраст не может. Но считает, что ей от тридцати до сорока пяти.

– Что-то интервал большой, – засомневался капитан.

– Может, из-за того, что эта дама, в смысле квартирантка, была сильно крашена, – озадаченно произнёс оперативник.

– И что с того, что крашена?

– Когда они намалюются, чёрта с два поймёшь, сколько им лет, – объяснил лейтенант.

Но капитану это объяснение показалось неубедительным:

– Иди ещё кого-нибудь поспрашивай.

Оперативник вздохнул и отправился поискать счастья вне подъезда. Гуляющие с детьми мамочки не смогли сказать ему ничего определённого, хотя изо всех сил старались помочь симпатичному лейтенанту.

– Какой красавчик, – шепнула одна другой на ухо.

– Ага, подтянутый, – ответила товарка, – а мой Вадик боров боровом.

– Зато твой Вадик денежки гребёт лопатой, – всё так же тихо парировала первая, – а у этого красавчика, поди, в кармане вошь да блоха на аркане. – Они обе захихикали.

– Девушки, о чём вы там шепчетесь? – спросил Уваров. – Посвятите меня в свои тайны.

– Никак нельзя, – ответила одна из женщин.

– Во всяком случае, напрягите свою память и окажите помощь следствию.

– Даже не знаем, что и сказать вам. Да, видели мы эту цыпу, но она даже не здоровалась, всегда спешила поскорее проскользнуть в подъезд и в квартиру.

– Почему вы назвали её цыпой?

– Очень уж одевалась она шикарно, – объяснила одна из женщин.

– Вы видели её с мужчинами?

– Бывало.

– То есть она, не прячась, приводила сюда своих знакомых?

– Точно, не прятала она своих мужиков.

– Чего же она с вами не общалась?

– Наверное, не общительная по характеру. Или неинтересно ей с соседями знакомства заводить. Она же жилищка, проживёт сколько-то в этой квартире и в другое гнёздышко упорхнёт.

– Что значит гнёздышко? – напрягся оперативник.

– А то! – выпалила самая бойкая, – наверное, бегала сюда от богатенького, но старенького мужа.

– Почему вы решили, что у неё богатый и старый муж?

– Богатый потому, что только на его шиши она так и могла одеваться. А что старый, так это и так ясно.

– Мне неясно.

– От молодого к любовникам не бегают.

Лейтенант был совсем в этом не уверен, но спорить не стал.

– К тому же было видно, что ей не нужны серьёзные отношения, любовь там, романтические чувства.

– Почему было видно? – спросил Уваров.

– Да по тому хотя бы, что она водила мужиков постоянно разных. Привязываться ни к кому не хотела!

– Хотя ради справедливости надо сказать, что были и те, что приходили по нескольку раз, – добавила другая женщина.

– Так, может, она проститутка? – спросил оперативник прямо.

– Не похоже.

– Почему?

– Не молоденькая, – с сомнением сказала одна из женщин.

– И вела она себя так, словно она хозяйка положения, а не её спутник, – заметила другая.

«Вот что значит женский глаз, все нюансы подмечает», – подумал про себя оперативник и спросил;

– Может, вы запомнили кого-нибудь из её мужчин?

– Я запомнила чернявого, – сказала самая молодая.

– Ты не его запомнила, а его машину, – рассмеялась другая.

– Какую такую машину? – сделал стойку оперативник.

– Чёрный бумер!

– Вы серьёзно?

– Вот вам крест!

– А номер машины?

Номер никто не запомнил. В оценке возраста жилички Игнатъева мнения тоже разошлись.

Другому оперативнику повезло больше. Он нарвался на недавно разведённую даму, живущую на третьем этаже. Правда, сначала она встретила его в штыки, даже дверь открыла только после того, как он развернул своё удостоверение перед глазком.

– И чего вы хотите? – спросила она.

– Для начала познакомиться с вами, – улыбнулся он своей самой обаятельной улыбкой. Стращать такую бесполезно, это он понял сразу. – Я оперуполномоченный, старший лей-

тенант Константин Владимирович Усольцев.

– Это я уже прочитала в вашем удостоверении, – сухо ответила она.

– Да, вы теперь, можно сказать, знаете обо мне почти всё, – продолжил он приветливо улыбаться, – а я даже не знаю, как вас зовут.

– Зоя Константиновна Семилукова.

– Очень приятно. К тому же у нас с вами, кажется, гармония намечается.

– Какая ещё гармония? – спросила она подозрительно.

– Ну как же, – воскликнул он, – вы Семилукова, а я Усольцев! Какой же лук без соли.

– Скажете тоже, – кисло улыбнулась она.

«Но всё-таки улыбнулась», – отметил про себя оперативник, а вслух произнёс;

– Жаль только, что нас с вами свёл печальный случай.

– Вы имеете в виду убийство в квартире Севастьяна Павловича?

– Увы. А вы хорошо знаете Игнатьева?

– Наверное, да, – ответила она.

– Не понял.

– Да что тут понимать, знаю я и Игнатьева, и его покойную жену, Марину Геннадьевну. Мы с его дочкой Глашей в один детский садик ходили.

– Вы не знаете, почему он сдавал квартиру? Денег на жизнь не хватало?

– Деньги лишними никогда не бывают, – ответила она поучительно. – Но Севастьян Павлович сдавал квартиру не из-за денег, просто не мог жить в ней один без Марины Геннадьевны.

– Понятно.

– Если вы думаете, что Игнатьев как-то причастен к убийству, то зря.

– Пока мы так не думаем.

– Это хорошо. Я только не пойму, чего вы от меня хотите.

– Что же тут непонятного, Зоя Константиновна! – снова улыбнулся он. – Помощи мы от вас хотим.

– Представления не имею, чем бы я могла вам помочь. – Но на самом деле она оказалась более чем пристрастной свидетельницей. Во-первых, она сообщила, что квартирантка Игнатьева никакая не блондинка.

– А кто же?

– Кто её знает! – возмущённо вырвалось у Семилуковой. – Ведь она носит парик! Не спорю, очень дорогой и качественный, но парик.

– Почему вы так уверены, что это парик?

– Потому, что я в салоне красоты работаю!

– О! Снимаю шляпу! – Усольцев картинно поклонился.

– Так что, какие там у неё волосы на голове, неизвестно, – завершила свою мысль Зоя Константиновна, не обратив внимания на расшаркивания лейтенанта.

– Может, вы её глаза разглядели? – спросил он, не скрывая

надежды.

– Разглядела. Синие! Только это вовсе не её глаза!

– А чьи? – ошалел оперативник.

– Линзы у неё цветные!

– Опять невезуха! – вырвалось у него. – Но хоть фигура-то у неё настоящая?

– Настоящая, – кивнула женщина.

– И фигуру вы её запомнили?

– Фигуру запомнила. Фигура у неё рюмочкой!

– Как это?

– Идеальная фигура.

– Если увидите, узнаете? – спросил он с надеждой.

– Запросто!

– Может, вы и возраст её назовёте.

– За пятьдесят! – отрезала пристрастная свидетельница.

Оперативник точно так же, как недавно его товарищ по службе, разговаривая с Кузьминичной, присвистнул.

– Не верите? – спросила она.

– Почему же, верю, – широко улыбнулся он, – успел уже заметить, что у вас глаз-алмаз.

Дама растаяла и пригласила оперативника попить чаю.

Он не отказался, надеясь за чаем узнать ещё что-нибудь полезное для следствия. И узнал-таки! Женщина подробно описала сразу нескольких приходивших к квартирантке Игнатьева мужчин.

– Непорядок это, – покачал он головой.

– И я про то же, – подхватила Семилукова, – устроили здесь притон!

– Они шумели?

– Нет, – нехотя признала соседка, – хотя музыка играла, конечно, но негромко.

– Хозяин часто проверял, кто и когда бывает в его квартире?

– Что вы, – отмахнулась женщина, – Севастьян Павлович и глаз сюда не казал.

– За недвижимостью, тем более в наше время, глаз да глаз нужен, – сокрушённо заметил старший лейтенант.

Она кивнула и пригорюнилась.

– Зоя Константиновна, я что-то не так сказал? – осторожно спросил он.

– Нет, что вы!

– Но вы вздохнули.

– Это я о своём, девичьем, – грустно усмехнулась она.

– О личных делах не смею вас спрашивать.

– Тут и секрета нет никакого, – ответила она, – просто я тоже живу одна.

– Давно? – как бы ненароком спросил он.

– Полгода скоро будет, как развелась я со своим обалдуем.

– Это вы мужа так ласково величаете? – улыбнулся он.

– Бывшего мужа, – отрезала женщина, – говорю же, развелись мы с ним.

– В жизни всякое бывает, – философски заметил Усоль-

цев.

– Это верно. Только женщине в моём возрасте ох как несладко жить одной.

Усольцев хотел пошутить, мол, какие ваши годы, но воздержался. Видно, и впрямь гражданка сильно переживает свой развод или сам факт женского одиночества. Он прикинул, сколько ей может быть лет, и решил, что не больше тридцати, а скорее всего, меньше. Пригляделся к ней повнимательнее и отметил про себя, что когда Зоя Константиновна не хмурится, то выглядит совсем неплохо.

И уже когда оперативник собрался уходить, женщина назвала ему номер серого «Опеля», на котором жиличка приезжала с неприлично молодым для её возраста парнем.

– Зоя Константиновна! Как вам пришло в голову запомнить номер?! – восхитился оперативник.

– Со злости, – призналась она.

– То есть? – удивился он.

– Они на этой машине чуть мне на нос не наехали!

– На нос? – изумился молодой мужчина.

– Ну да, я уронила журнал. Хотела из пакета переложить его в сумку.

– Ах, вот оно что!

– Я наклонилась, а их машина затормозила прямо возле меня. Я еле успела поднять журнал и отскочить.

«Вот что значит, недавно разведённая женщина, – восхитился про себя оперативник, – цены ей нет». Он даже поду-

мал, не пригласить ли её как-нибудь на чашечку кофе или лучше самому наведаться к ней на чай. Пирожки она печёт вкусные. Он четыре штуки съел и не заметил как. Хотя визит, естественно, придётся отложить до завершения этого дела.

Когда Усольцев уже взялся за ручку двери, Зоя Константиновна обронила как бы невзначай:

– Заходите на днях, может быть, я ещё что-то вспомню.

– Я вам свою визитку оставлю, если позволите, – предложил Усольцев.

– Давайте! – протянула руку Семилукова.

И оперативник положил на её тёплую ладошку пластиковый прямоугольник своей визитки.

«Интересно, что у них с обалдуем-то не сложилось», – продолжал думать о свидетельнице Усольцев, выходя на лестничную площадку.

Остальные соседи хоть и не отрицали, что время от времени видели квартирантку Игнатьева, но её точный возраст назвать не могли, хотя и замечали, что она далеко не девочка.

Глава 3

О проделанной работе Усольцев отчитался уже в кабинете следователя, полковника Кочубеева, которому было передано это дело.

– Тебе и идти к хозяину «Опеля», – внимательно выслушав его, сказал Кочубеев.

– Слушаюсь, товарищ полковник.

Кочубеев слегка поморщился и поправил:

– Николай Егорович.

Усольцев кивнул.

Капитану Турусову было поручено отправиться по месту прописки убитого гражданина Морозова. И выяснить, жил ли он там на самом деле и кто проживал вместе с ним.

– Ну и так далее, – сказал Кочубеев, обращаясь к капитану, – ты, Виталий Сергеевич, и сам всё знаешь, учёного учить – только портить.

– Хорошо, Николай Егорович, – едва заметно улыбнулся капитан.

Хозяином серого «Опеля» оказался Глеб Артемьевич Лавренёв. При знании номера машины, марки и цвета установить владельца было несложно. Правда, на ней мог ездить кто-то другой по доверенности или и вовсе, как порой бывало, хозяин продавал автомобиль, но он какое-то время про-

должал числиться за ним. Однако на этот раз оперативнику повезло. Машина по-прежнему принадлежала Лавренёву, и мужчина оказался дома. Он как раз завтракал перед отъездом на работу, когда к нему явился оперативник.

На звонок Усольцева по домофону ответил ленивый мужской голос.

– Кого это принесло с утра пораньше? – спросил он.

– Полиция, – ответил Усольцев.

– Опять чего-то украли? – спросил мужчина.

– Откройте, пожалуйста, – не отвечая на его вопрос, вежливо попросил оперативник.

Дверь открылась, и Усольцев на лифте поднялся на девятый этаж. На его звонок в квартиру хозяин отреагировал не сразу. Но через пару минут ему всё-таки открыли. Высокий шатен со сросшимися на переносице бровями удивлённо уставился на оперативника:

– Вы чё, ко мне лично?

– К вам. Как вы узнали, что я из полиции?

– Так вы сами снизу того самого...

– В дверь к вам мог позвонить совсем не тот человек, что разговаривал с вами по домофону.

– А это, – отозвался хозяин квартиры, – у вас на лбу написано, что вы коп.

– Полицейский, – поправил Усольцев, а про себя подумал: «Насмотрятся по телевизору всякой западной чуши и давай молоть языком».

– Он самый, – решил тем временем не нарываться Лавренёв. – Проходите, раз пришли. Нечего на лестнице соседей развлекать.

– Они у вас что, такие любопытные? – спросил оперативник.

– Всякие, – неопределённо отозвался мужчина.

– Вот моё удостоверение, – протянул ему документ оперативник.

– Понятно, – хозяин только мельком на него взглянул.

– А вы, насколько я понимаю, Глеб Артемьевич Лавренёв?

– Точно! А кого вы хотели увидеть в моей квартире, – хмыкнул мужчина.

– Именно вас. Вам принадлежит серый «Опель».

– Ну, – кивнул Лавренёв. – А что с ним не так?

– С кем?

– С «Опелем»! Вас ведь моя машина интересует?

– Нет. Меня интересует ваша связь с женщиной, проживающей на... – оперативник назвал адрес.

– Вы чё, из полиции нравов? – изумился Лавренёв. – Так она совершеннолетняя! И даже более того, – он хмыкнул. – Я, кстати, тоже. К тому же я не женат.

– Можно посмотреть ваши документы?

– Можно. Пошли в комнату.

Хозяин привёл оперативника в гостиную с разобранным диваном и заваленными журналами столом и креслами.

– Вы работаете журналистом? – спросил оперативник, по-

ка Лавренёв, повернувшись к нему спиной, рылся в шкафу.

– Нет, – ответил мужчина, не поворачиваясь. – Это до меня тут жил газетчик. Я сюда недавно переехал и всё никак не вынесу на мусорку всю эту макулатуру.

– Недавно – это сколько месяцев назад?

– Чёрт его знает, – наконец повернулся мужчина и протянул оперативнику паспорт.

– Но всё-таки, – продолжал настаивать Усольцев, листая документ.

– Седьмой месяц, кажись, – шатен сдвинул и без того сошедшиеся на переносице брови.

– И всё не было времени, чтобы прибраться, – усмехнулся оперативник.

– Типа того.

– А где вы работаете?

– В магазине «На старт».

– И что же это за магазин такой?

– Спорттоваров.

– Вы там менеджер?

– Нет, я там охранник!

– Как звали девушку, с которой вы встречались по названному мною адресу?

– Анжелика. И никакая она не девушка, – пробурчал Лавренёв.

– А кто, юноша? – небрежно спросил оперативник.

– Вы чё, обидеть меня хотите? – помрачнел мужчина.

– Ни в коем случае, – сделав серьёзное лицо, ответил Усольцев. – Просто уточняю. Вы сказали, что она не девушка.

– Ясное дело, что не девушка. Ей уже за сорок.

– Девушкой можно быть и в восемьдесят лет, если всем говорить «нет», – пошутил оперативник.

– Анжелика эта уж точно не говорила «нет», – расплылся в широкой улыбке Лавренёв.

– Намекаете на то, что она профессионалка? – насторожился Усольцев.

– Это смотря что вы вкладываете в это слово. Она однозначно не занимается проституцией, но мужиков страсть как любит!

– Из чего вы сделали такой вывод?

– Те штучки, что она проделывает в постели, составителям Камасутры и не снились.

– Фамилия у этой Анжелики есть?

– Само собой, есть, – уверенно ответил мужчина.

– И какая же?

– Я её об этом не спрашивал.

– А она вас?

– Она моей фамилией тоже не интересовалась, – хмыкнул Лавренёв. – Её интересовали совсем другие вещи.

– Какие же?

– Интимные! Рассказать?

– Нет, пожалуй, пока не надо. Где вы с ней познакоми-

лись?

– В кафе «Лягушка-путешественница».

– А что, у нас есть такое кафе? – удивился Усольцев.

– Есть. Уже второй год как работает.

– И что там подают, лягушачьи лапы?

– Не знаю. Может, и подают, – пожал плечами мужчина, – если клиент потребует. А так в основном блюда разных народов мира. Я, например, люблю белорусскую и русскую кухню.

– А Анжелика?

– Французскую! – Лавренёв рассмеялся. – Я её из-за этого стал называть Анжеликой – маркизой ангелов.

В голове оперативника французская кухня не слишком-то стыковалась со старым французским кино, поэтому он спросил о другом:

– Как часто вы с ней встречались?

– Не так чтобы часто, – нехотя ответил Лавренёв, помедлил, а потом признался: – Лично я хотел бы видеть её чаще, но она отнекивалась.

– И чем она это объясняла?

– Говорила, что у неё много работы и ей сложно выбрать время для встреч.

– Где же она работала, такая занятая?

– Она не говорила, а я не настаивал, – пожал плечами мужчина.

– Может, она замужем?

– Может, – не стал спорить Лавренёв, – но не похоже.

– Почему не похоже?

– Потому что она всегда голодная.

– Голодная? – переспросил оперативник.

– Не в смысле еды, – хмыкнул мужчина, – а в смысле секса.

Так жадно набрасывается, что того и гляди съест.

– Вот оно что, – протянул оперативник.

– Так что я почти уверен, что она холостая.

– Вы всегда встречались в одном и том же месте?

– Да.

– В её квартире.

– Это не совсем её квартира. Она говорила, что снимает её.

– Специально для встреч с вами?

– Для встреч, – многозначительно кивнул Лавренёв и добавил: – подозреваю, что не только со мной.

– Вы думаете, что у неё были другие мужчины?

– Кто её знает, – протянул мужчина.

– Проверить не пытались?

– Шутить изволите?

– Какие же здесь могут быть шутки.

– Тогда пошевелите мозгами, зачем мне её проверять? Кто она мне, жена? Невеста? Постоянная подружка?

– Любовница.

– Вот именно! К тому же я сам не святой. Кроме неё и с другими порой встречаюсь, особенно если приспичит, а те-

лефон Анжелики молчит.

– Понятно. Когда вы видели её последний раз?

– Полторы недели назад.

– Всё было как обычно?

– Точно. А чего вы ко мне пристали-то с этой Анжеликой?

– В квартире, где вы встречались, произошло убийство.

– Бреешь! – слишком уж эмоционально отреагировал

Лавренёв.

– Выращения подбирайте, – строго проговорил Усольцев, – брешут собаки. А вы разговариваете с сотрудником полиции.

– Извиняйте! Сорвалось. Так что же, Анжелику убили?

– Нет.

– Слава богу! – искренне вырвалось у мужчины.

– Но, возможно, убила она, – проговорил оперативник.

– А чем его убили? – спросил Лавренёв.

– Ножом.

– Тогда это не она.

– Почему вы так решили?

– Потому что Анжелика, как гоголевская панночка, могла только заездить мужика до смерти. Убивать его ей ни к чему.

– Как знать.

– Если вы её не нашли, – опомнился Лавренёв, – то как вы вышли на меня?

– Соседи видели вашу машину и запомнили её номер.

– До чего старухи пошли глазастые, – хмыкнул мужчина, –

нацепят на нос по шесть очков, прямо как мартышки из басни Крылова, и ничего не проскользнёт мимо их ока.

Усольцев подумал про себя, что Зою Константиновну Семилукову в старухи записывать явно рановато, но разубеждать свидетеля в его заблуждении не стал.

– У вас есть номер телефона Анжелики? – спросил он.

– Есть, – кивнул Лавренёв.

– Я попрошу вас продиктовать мне его.

– С превеликим удовольствием, – расплылся в улыбке Лавренёв, – да только телефон её уже несколько дней молчит.

– Не важно. Диктуйте.

Записав продиктованный номер телефона таинственной сладострастницы по имени Анжелика, оперативник покинул квартиру заметно пригорюнившегося горе-любовника.

Улов был явно невелик. Но что делать. Первым делом Усольцев выяснил, на кого был зарегистрирован номер телефона. Владелицей номера оказалась некая Мария Ивановна Переверзьева. По адресу, который женщина оставила при регистрации, и отправился оперативник.

Но его ждала неудача. Переверзьевой уже два с половиной года не было в живых. Скончалась она в возрасте девяносто девяти лет от естественных причин, как сказал её внук – от старости. На вопрос оперативника, был ли у его бабушки телефон, мужчина ответил, что был, но доисторический. Поэтому, как предмет, не имевший никакой ценности, он был

выброшен на помойку вместе с другим хламом, хранившимся в квартире старушки.

– А симка? – спросил Усольцев.

– Симки в аппарате не было, – ответил внук.

– Куда же она могла деться?

– Понятия не имею! Бабуля могла её сломать, потерять и всё что угодно. Ведь она была старым человеком с целым букетом болезней.

– Тем более ей требовался телефон! – попробовал настоять оперативник.

– Так он у неё и был! – с досадой отозвался внук, которому уже надоело препираться со старшим лейтенантом.

– Без симки?

– Старый – без. Но у неё был ещё и новый!

– А где новый?

– Сейчас им пользуется мой сын.

– Вы уверены, что не по старой симке?

– Абсолютно уверен. Если хотите, я дам вам его номер.

– Очень хочу, – заверил его Усольцев и под диктовку набрал номер телефона. Он не только не совпадал с тем номером, что был нужен Усольцеву, у него ещё и провайдер был другой.

На звонок оперативника ответил ломающийся голос подростка:

– Вы кто?

У оперативника чуть не сорвалось с языка: «дед Пыхто».

Но он вовремя сориентировался и ответил:

– Простите, ошибся номером.

– Бывает, – ответили ему и отключились.

– Ну что, убедились? – спросил внук Переверзьевой.

– Убедился. Спасибо за помощь.

– Какая уж тут помощь, – развёл руками мужчина и закрыл дверь за оперативником.

Усольцев подумал о том, что теперь таинственную Анжелику можно будет отыскать только через её тётку, ту самую пенсионерку, что снимала у Игнатьева квартиру, благо фамилия и адрес пенсионерки у них имелись. Оставалось только надеяться, что Анжелика и есть её племянница.

Несмотря на то что на улице уже стоял август, лето и не думало расставаться с жарой. Пекло с самого утра и до вечера. Капитан Турусов оделся как можно легче и вышел из дома. Про себя он позавидовал немецким полицейским, которые в жару разгуливают по городу во время выполнения служебных обязанностей в шортах. У нас такое не принято. Нет, в шортах ты можешь ходить сколько угодно, но только вне служебного времени.

И тут на ум капитану пришли совершенно игривые мысли. Он вспомнил, как в воскресенье отправился с другом в парк. Надо сказать, что такие прогулки бывают нечасто. Но тут как раз был городской праздник, и два здоровых лба решили покататься на катамаранах по каналу, поесть вволю

мороженого, поглазеть на хорошеньких девушек и себя показать.

Задумано – сделано. Оба парня в парк отправились в шортах. До этого им никогда в голову не приходило, что кого-то могут так интересовать их ноги. Хотя ноги у обоих, чего скрывать истину, что надо. Любая девчонка не откажется иметь такие. Как там писал классик в «Евгении Онегине»:

«...только вряд

Найдете вы в России целой

Три пары стройных женских ног».

Правда, о мужских ногах нигде ничего сказано не было. Упущение века, усмехнулся про себя Турусов.

Так вот, девушек на городском празднике вполне хватало на любой вкус. Только ни капитан Турусов, ни его приятель не ожидали, что объектом охоты станут они сами. И что интересно, современные барышни не просто кокетливо стреляли глазками, как это предписывалось старинными законами флирта, а откровенно рассматривали их ноги, ничуть не опасаясь быть пойманными, так сказать, на месте преступления. Виталий даже вспотел тогда от столь назойливого внимания.

Улыбнувшись своим невольным воспоминаниям, капитан сел за руль своей машины и поехал разыскивать дом, в котором ещё совсем недавно, судя по прописке, проживал Евгений Юрьевич Морозов. Долго искать ему не пришлось. Новостройка на улице Новосадовой стояла почти вплоты к

Московскому шоссе. Свернув на первом же повороте, капитан въехал во двор, по его подсчётам, квартира Морозова находилась в среднем подъезде на шестом этаже. Звонить по домофону он не стал, подождал, пока к подъезду подбежала девушка-подросток, и прошёл следом за ней. Девушка, покосившись на незнакомого молодого мужчину, в лифт садиться не стала, почти бегом направилась в сторону лестницы. «Молодец», – мысленно похвалил её Турусов. Сам он неторопливой походкой подошёл к лифту, вошёл и нажал на цифру шесть. Лифт плавно поплыл вверх. Квартира Морозова скрывалась за новой металлической дверью. Нажав на звонок, Турусов приготовился ждать. Но дверь открылась почти мгновенно. Худенькая девушка в пёстром халатике подалась было вперёд, но тут же застыла на месте. За стёклами её очков он увидел широко раскрытые светло-серые глаза. Они помолчали с полминуты, рассматривая друг друга, пока девушка не спросила:

– Вы кто?

– Капитан Турусов Виталий Сергеевич, – он развернул перед её глазами удостоверение.

Она поправила на носу очки и тихо спросила:

– Так вы из полиции? А где Женя?

– Женя? – переспросил он умышленно тихо.

– Да, он должен был ещё вчера приехать из командировки.

И вот я жду, жду, а его всё нет.

– Женя – это Евгений Морозов?

– Да. Кто же ещё?! Что с ним? Почему им интересуется полиция?

– С чего вы взяли, что им интересуется полиция?

– Так вы же пришли, – ответила она растерянно.

– Вы правы, – согласился он и спросил: – Может, мы войдём в квартиру?

– Да, пожалуйста, – она отступила от порога и пошла по коридору, не беспокоясь о том, закроет он дверь или нет. Турусов дверь закрыл и пошёл следом за хозяйкой. Она стояла посреди комнаты и смотрела на него.

– Простите, вас как зовут? – спросил капитан.

– Юлия.

– А полностью?

– Юлия Михайловна Васина. – И вдруг она ошетинилась: – Вам что, паспорт показать?

– Да, покажите, – проговорил он ровным голосом.

Она выбежала из комнаты. Капитан было двинулся следом за ней. Но она уже возвращалась обратно с паспортом в руках и буквально налетела на него:

– Простите.

– Ничего страшного, – он взял паспорт из её рук, пролистал его и выяснил, что девушке тридцать лет и в этой квартире она не прописана.

– Вы постоянно проживаете на улице Чапаевской?

– Нет, – тряхнула она копной густых каштановых волос. – Постоянно я проживаю здесь.

– Кем вы приходитеесь Евгению Юрьевичу Морозову?

– Я Женина гражданская жена.

– Гражданская жена – это та, с которой мужчина расписан в загсе, – проговорил капитан, возвращая ей паспорт.

– Если вы пришли оскорблять меня... – начала было она.

– Нет, ни в коем разе, – ответил он, – но я принёс вам печальное известие.

– Женя в тюрьме? – воскликнула она испуганно.

– Если бы, – вырвалось у капитана.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ваш гражданский муж убит.

– Где? Кем? – закричала она.

– Где – я могу вам сказать, а вот кем, ещё не ясно.

– Где его убили?

– На квартире другой женщины.

– Как это другой женщины? – переспросила она растерянно.

– Скорее всего, ваш гражданский муж не в командировку уезжал, а изменял вам.

Она неожиданно для него заплакала.

– Ну, ну, – сказал капитан, – идите выпейте воды.

– Сами идите, – огрызнулась она сквозь слёзы.

– Где работал ваш муж и кем?

– Экспедитором на заводе кератопластики.

– А где работаете вы?

– В библиотеке.

– В какой именно?

– В детской, здесь за углом, – она мотнула головой в сторону окна.

– Вам придётся поехать со мной и опознать Морозова. У него ещё кто-то, кроме вас, есть?

– Пока нет, – тихо ответила она.

– Что значит пока? – удивился капитан.

– Я беременная. Через семь месяцев у нас должен родиться ребёнок.

– Чего же вы не расписались?

– Мы хотели. Заявление уже подали.

– Это хорошо, – вырвалось у него.

– Что хорошего-то? – воскликнула она.

– Что вы беременны. Ребёнок унаследует квартиру отца, так что на улице вы не останетесь.

Она снова разревелась, и ему пришлось самому идти на кухню и наливать ей воды. Кое-как успокоив молодую женщину, капитан взял ключи из её дрожащих рук, закрыл квартиру и, подтолкнув молодую женщину к лифту, вошёл следом.

Всю дорогу, уже сидя в его машине, они молчали. Юлии Михайловне было не до разговоров. А капитан думал о том, что он поступает негуманно, везя беременную женщину на опознание неверного сожителя. Но что делать? Как говорят французы, се ля ви. Жизнь и впрямь такова: и непредсказуема, и подчас несправедлива. Но изменить её течение и пе-

реписать её законы никому из живущих на земле не дано.

Вопреки ожиданиям и патологоанатома, и самого капитана, Васина в обморок не упала. Оpozнав Морозова, она резко развернулась и пошла к двери. Уже в коридоре она спросила Турусова:

– Товарищ капитан, это правда, что Женя мне изменял?

– Правда, – не стал отрицать он. Капитан понимал, что ответ его жесток, но был уверен, что по неверному возлюбленному она не так будет убиваться, как если бы была уверена, что он до последнего думал только о ней и об их будущем ребёнке. – Я сейчас отвезу вас домой, – сказал он и легонько дотронулся до её руки.

– Не надо, – она отдернула руку. – Лучше вызовите мне такси – я хочу побыть одна.

– Как скажете, – Турусов достал свой мобильник.

Никто из оперативников не принёс Кочубееву в клюве ценную информацию, поэтому следователь не скрывал своего недовольства.

– Какие планы на завтра? – спросил он.

– По описанию Зои Константиновны Семилуковой мы можем составить фотороботы, – подал голос лейтенант Усольцев.

– И что это нам даст? – спросил полковник.

Никто ему не ответил, и Кочубеев продолжил:

– За любовниками этой Анжелики, или как там её на самом деле зовут, мы можем бегать до морковкина заговенья.

– У нас есть адрес пенсионерки, которой Игнатьев сдавал квартиру. К ней и надо ехать. Уж она-то точно знает, где в данное время находится её племянница.

– Если только она на самом деле её племянница, – недовольно проговорил Кочубеев.

– В любом случае, кто бы она там ей ни была. Квартиру сняла, – Турусов посмотрел на листок, – Лилия Вадимовна Арефьева. С неё и спрос.

– Ты прав, Виталий Сергеевич, – наконец кивнул полковник, – возьми с собой вон хоть Усольцева, и поезжайте к ней с утра пораньше.

Оперативники уже начали расходиться, когда Кочубеев окликнул Турусова:

– Виталий Сергеевич, задержись.

Капитан вернулся почти от самой двери и сел на прежнее место.

– Что там с женой Морозова?

– Вы имеете в виду Юлию Михайловну Васину?

– А что, есть ещё кто-то?

Капитан пожал плечами:

– Надеюсь, что нет.

– Так что с ней?

– С ней всё нормально в смысле благонадёжности. Я выяснил, работает в детской библиотеке. По адресу, где она прописана, живут её родители и брат. Всё это я выяснил без её участия.

– Пожалел безутешную вдову?

– Можно сказать и так, – кивнул Турусов, – хотя вдова она, по сути, соломенная, но всё-таки.

– Однако поговорить с ней всё равно следует. Выяснить, не было ли у Морозова врагов? Может, ещё где-то имеются беременные сожительницы, и одна из них поквиталась с Морозовым.

– На квартире Игнатьева? – хмыкнул капитан.

– Всякое бывает.

– Я дал задание Уварову завтра поехать на работу Морозова и там расспросить начальство и сотрудников.

– Это правильно, – согласился следователь.

– Соседей я собираюсь сам опросить позднее.

– Тоже верно. Ладно, с Васиной поговорим позднее, – решил Кочубеев.

– К тому же я думаю, что Усольцев прав, – задумчиво проговорил капитан.

– В чём же это?

– Надо бы пригласить гражданку Семилукову и составить фотороботы других поклонников любвеобильной Анжелики. Ведь Морозова мог убить кто-то из них из ревности.

– Ладно, ищите.

– Я могу идти, Николай Егорович?

– Иди, Виталий Сергеевич, – кивнул Кочубеев.

Глава 4

Пенсионерку, снимающую квартиру для своей племянницы, искать долго не пришлось. Она проживала по тому самому адресу, который оставила хозяину съёмной квартиры Игнатьеву. Узнав, что к ней пришла полиция, женщина растерялась и испугалась одновременно, это было заметно по её побледневшему лицу и забегавшему взгляду.

– Я не понимаю, зачем я могла вам понадобиться, – стараясь держать себя в руках, ответила она представившемуся ей Турусову.

– Разговор у нас с вами, Лидия Вадимовна, получится серьёзный и долгий, – предупредил её капитан и спросил: – Мы с вами войдём в квартиру или будем развлекать соседей на лестничной площадке?

– Входите, – ответила женщина и позволила капитану войти. Турусов сразу же оказался в широком длинном коридоре, который имел небольшое ответвление в одну сторону и более длинное – в другую.

Хозяйка квартиры не стала заставлять его разуваться, он сам надел предусмотрительно захваченные бахилы. Арефьева привела его в комнату, которая, вероятно, была зоной отдыха. В ней стояли только диван, два кресла и небольшой столик. На стене, расположенной напротив дивана, висел большой телевизор. На широком подоконнике цвели фи-

алки. Турусов знал название цветов, так как точно такие же выращивала его бабушка. В квартире капитану больше всего понравились высокие потолки и квадратные комнаты. Несмотря на то что в этой квартире он пока видел только одну комнату, ему не раз приходилось по долгу службы бывать в так называемых «сталинках». Несмотря на преклонный возраст, эти квартиры оставались привлекательными для многих и в наше время, когда всюду в городе, как грибы после дождя, росли новостройки.

– Хотите чаю? – спросила хозяйка. Турусов сразу понял, что задала она этот вопрос вовсе не потому, что хотела угодить «дорогому» гостю, а просто из вежливости.

– Нет, спасибо, – ответил он и спросил в лоб: – Вы давно видели свою племянницу?

– Племянницу? – не смогла она сдержать удивления.

– Ну да. Как там её зовут? Анжелика или как-то иначе?

– Я не знаю, – вырвалось у женщины.

«Так, – подумал про себя капитан, – Кочубеев, кажется, был прав, никакая ей эта особа не племянница». Но он решил не отступать.

– Как же, Лилия Вадимовна, вы разве запомнили, что снимали для своей племянницы квартиру у Севастьяна Павловича Игнатьева?

– Ах это, – женщина торопливо облизала пересохшие губы, – я действительно снимала квартиру по просьбе одной женщины, но она мне не племянница.

– А кто же? – сделал удивлённое лицо капитан.

– Просто знакомая. Можно сказать, случайная знакомая.

– Первый раз слышу, чтобы кто-то снимал квартиру от своего имени для случайных знакомых и по доброте душевной выкладывал за неё кругленькую сумму ежемесячно, – не стал скрывать, что не поверил ей, капитан.

– Деньги я платила не свои, – торопливо проговорила женщина.

– А чьи же?

– Мне их дала Анжелика.

– Когда вы видели её в последний раз?

– В тот день, когда сняла для неё квартиру.

– В таком случае как же она давала вам деньги?

– Клала на карточку.

– И вас это не насторожило?

– Что именно? – спросила женщина.

– То, что так называемая Анжелика не пожелала больше встречаться со своей благодетельницей?

– Благодетельницей? – переспросила Арефьева.

– В вашем лице, – не скрывая ноток недоверия в голосе, проговорил Турусов.

– Просто в этом не было надобности.

– Вот как?

– Добрые дела делаются необязательно напоказ, – поджала губы Лилия Вадимовна.

– Ах, так это вы просто сделали доброе дело, не ожидая

благодарности?

– Конечно, – кивнула с достоинством уже взявшая себя в руки женщина.

– А как часто вы сами бывали в этой квартире?

– Я в ней не бывала! – вырвалось у Арефьевой, но она тут же машинально прикрыла рот ладонью.

– Совсем? – не поверил капитан.

– Ну, может быть, и бывала пару раз в самом начале, – пошла на попятную женщина.

– Как вы отдавали деньги Игнатьеву?

– Переводила на карточку.

– Почему же в таком случае ваша знакомая не делала этого сама? Для чего была затеяна вся эта карусель с поступлением денег на вашу карточку от неё, а потом с вашей – на карточку Игнатьева?

– Я не знаю, – потупила взгляд Лилия Вадимовна, – Анжелика меня попросила, и я...

– А если бы Анжелика попросила вас сигануть с двенадцатого этажа, вы бы тоже выполнили её просьбу?

– Ну что вы! – изобразила возмущение Арефьева.

– И всё-таки, как вы думаете, почему эта Анжелика сняла квартиру не напрямую, а через посредника, то есть через вас?

– У неё не было регистрации, – выдавила из себя женщина.

– Так, может, она вообще преступница и находится в ро-

зыске?

– Ну что вы! Она такая милая.

– Остап Бендер тоже, помнится, был очень милым человеком.

– А при чём здесь Остап Бендер? – Она уставилась на него во все глаза.

– К тому, что обаяние – главное оружие опытного мошенника.

– Но Анжелика не мошенница, – продолжала защищать неизвестную Арэфьева, – она же ничего у меня не выманила.

– Это вам только так кажется.

– Не понимаю, – растерялась женщина.

– Она выманила у вас доверие. Доверившись, вы помогли ей осуществить своё намерение.

– Какое намерение?

– Пока не знаю. Но для начала она с вашей помощью поселилась на съёмной квартире. А потом принялась водить в неё толпы мужиков! – раздражённо вырвалось у капитана.

– Каких мужиков? – сделала Лилия Вадимовна вид, что удивилась.

Турусов же сразу заподозрил, что женщина прикидывается, и ей отлично известно реальное положение дел.

– Обычных индивидуумов мужского пола, – ответил он.

– Я всё равно не понимаю, – продолжала упорствовать женщина.

– Послушайте, перестаньте придуриваться, – начал терять

терпение оперативник, – всё вы знаете.

На лице Лилии Вадимовны появилось выражение оскорблённой невинности.

– И один из этих мужчин был убит!

– Как это убит?

– Зарезан кухонным ножом! Вот, полюбуйтесь, – капитан вынул фотографию жертвы и положил на колени Арефьевой.

– Что это? – её всю передёрнуло.

Он едва успел подхватить слетевшую с её коленей фотографию.

– Это труп, дорогая Лидия Вадимовна. Я очень вас прошу присмотреться к нему повнимательнее.

– Зачем? – жалобно спросила она.

– Вполне возможно, что вы знаете этого человека.

– Нет, нет, – отчаянно замотала она головой, – никогда не видела его!

– Хорошо. Имя Евгений Юрьевич Морозов вам о чём-нибудь говорит?

– Ни о чём! Среди моих знакомых нет и никогда не было никаких Евгениев Юрьевичей Морозовых.

– Однако его имя просто отлетает у вас от зубов, – хмыкнул он.

– Так вы сами же только что назвали мне его! – воскликнула она возмущённо. – Вы что, расставляете мне ловушки?

Он внимательно посмотрел на её покрывшееся красными пятнами лицо и спросил:

– А Анжелика знает этого человека?

– Спросите у неё самой! – огрызнулась Арефьева.

– Спросим, непременно спросим. Пока же нам её нужно найти.

– Вот и ищите!

– А вы поможете нам в этом нелёгком деле. Так как это в ваших же интересах.

Странная улыбка пробежала по лицу женщины и тут же исчезла. Турусов даже подумал, что ему это только показалось.

– Где вы познакомились с вашей Анжеликой? – спросил он требовательно.

– На вокзале.

– На вокзале? – изумился капитан. – И что вы там делали, позвольте вас спросить?

– Провожала подругу!

– Имя, фамилия, адрес?

– Чьи?

– Вашей подруги.

– Да пожалуйста, – Арефьева поджала губы, покомкала в руках платочек, который извлекла, как фокусник, из рукава, и продиктовала требуемое оперативником.

Турусов в свою очередь старательно записал информацию, потом поднял голову и спросил:

– Значит, вы провожали свою подругу Полину Ивановну Ласточкину?

– Совершенно верно, – с достоинством кивнула Арефьева.

– Вы посадили её в вагон?

– Естественно!

– В плацкартный?

– Почему это в плацкартный, – обиделась на этот раз за подругу Лилия Вадимовна, – в купейный.

– Потом вышли на перрон?

– Конечно, как все нормальные провожающие.

– И где же вы встретили Анжелику?

– Там же, на перроне.

– Она кого-то провожала или встречала? Или прибыла сама?

– Я не спрашивала, но подумала, что она сошла с поезда, так как в руках у неё был небольшой чемодан.

– И как произошло ваше знакомство?

– Она спросила, где здесь можно перекусить, я ответила.

– А потом?

– Потом она представилась.

– Как же?

– Сказала, что её зовут Анжелика.

– И это всё?

– Всё, – выражение лица у Арефьевой стало смущённым, и она призналась: – Я даже сама не знаю, как так получилось, но мы вскоре оказались за одним столиком кафе и весело болтали целых полчаса. Потом она сказала, что приехала из

маленького городка.

– Всё-таки сказала?

– Да!

– А название городка?

– Она не сказала!

– А вы не уточнили?

– Нет!

– Я всегда считал, что женщины любопытны.

– Я – нет, – отрезала Лилия Вадимовна.

– И она попросила вас об услуге?

– Да, о маленькой услуге, – уточнила Арефьева.

– Так вот, эта маленькая услуга теперь обернулась для вас очень большой неприятностью!

– Какой ещё неприятностью? – удивилась Арефьева.

– Вы что, забыли, я вам сказал, что на квартире, которую вы сняли для своей случайной знакомой, убит человек?

– Ну, я-то тут при чём?! – пожала плечами женщина.

– При всём! – отрезал капитан.

Женщина испуганно поёжилась.

– Случалось ли вам когда-нибудь созваниваться с Анжеликой?

– Первое время да, – не слишком уверенно ответила Арефьева.

– Номер телефона?

Лилия Вадимовна назвала уже известный оперативникам номер телефона скончавшейся Марии Ивановны Перевер-

зьевой.

– Когда вы звонили по этому номеру в последний раз?

– Давно.

– Уточните дату.

– Не помню!

– Почему вы перестали звонить потом?

– Потеряла интерес!

– Но деньги Игнатьеву переводить продолжали?

– Естественно, я же честный человек. Если деньги приходили, я их переводила.

Капитан Турусов был уверен, что женщина ему лжёт. Но уличить её во лжи пока не представлялось возможным. Поэтому он решил закруглиться и вернуться сюда в следующий раз уже с фактами на руках.

Когда он встал, из груди женщины вырвался невольный вздох облегчения.

– Что же делать? Что же делать? – бормотала она, закрыв за ним дверь. Обувший её страх только нарастал с каждой минутой. Лилия Вадимовна кинулась на кухню, достала из навесного шкафчика флакон с настойкой валерианы и накапала себе в стакан чуть ли не третью часть содержимого. Выпив разбавленную водой настойку, она села на табурет, закрыла лицо руками и горько заплакала. «За что мне всё это?» – спросила она сквозь слёзы неизвестно кого.

Виталий Сергеевич Турусов между тем, садясь за руль своего автомобиля, думал: кого, чёрт возьми, она покрыва-

ет? Капитан был уверен, что Лилии Вадимовне прекрасно известно местонахождение Анжелики. Оставалось надеяться на то, что она постарается связаться с этой девицей и предупредить её. Хотя какая она, к дьяволу, девица, эта Анжелика. По словам свидетелей выходило, что «молодая была не молода». «Неужели Арефьева такая дура, – продолжал размышлять он, трогая машину с места, – или только притворяется?»

Кочубеев согласился выделить наружку весьма и весьма неохотно. Вернувшийся с места работы Морозова лейтенант Уваров не принёс никаких новостей. У него создалось такое впечатление, что и сотрудники, и начальство были шокированы. Многим было известно, что Морозов собирался скоро жениться на своей подружке, которая ждала от него ребёнка. Никаких конфликтов у убитого на работе не было. Он был бодр и весел, словом, вёл себя так, как ведёт довольный жизнью человек. То, что убили его на квартире неизвестной женщины, скорее всего, его любовницы, кого-то удивило, кого-то нет. Один из парней, близко общавшийся с Морозовым, сказал, что раньше Женя любил приударить за женщинами. Но потом вроде бы остепенился. «А выходит, что нет», – обронил он на прощание задумчиво. На вопрос, не рассказывал ли Морозов ему что-то о своей связи на стороне, уверенно покачал головой и добавил:

– Даже и не заикался.

– Вы не знаете, подружка у него ревнивая?

– Васина, что ли? – удивился тот. – Да нет, Юля тихая девушка. К тому же Женя и поводов видимых не подавал. Шифровался, наверное.

Глава 5

Посоветовавшись, всё же решили пригласить Зою Константиновну Семилукову для составления фотороботов мужчин, которые приходили к Анжелике. За свидетельницей отправили Усольцева как человека, уже завоевавшего её расположение.

Увидев оперативника на своём пороге, женщина сделала большие глаза, давая понять, что удивлена просто невероятно.

– Какими судьбами? – спросила она, пряча улыбку в уголке рта.

– Да вот, Зоя Константиновна, никак не можем справиться без вашей помощи, – широко улыбнулся Усольцев и развёл руки в сторону, то ли показывая меру беспомощности полиции, то ли выражая готовность обнять свидетельницу.

– Ну, что же с вами поделаешь, – кокетливо ответила женщина, – видно, придётся поехать с вами.

– Да уж, будьте так любезны, – не стирая с лица улыбку, попросил елеинным голосом старший лейтенант.

– О! У вас вполне приличная машинка, – пропела женщина, увидев его «Киа».

– Таковую женщину на абы чём мы повезти не можем, – ответил он.

– Так автомобиль не ваш? – В голосе Зои Константиновны

промелькнула нотка разочарования.

– Мой, – покровительственно успокоил её старший лейтенант, не заикаясь о том, что кредит за автомобиль пока выплачен не полностью. «К чему волновать женщину понапрасну», – решил про себя старший лейтенант.

Пока Семилукова работала со специалистом, Усольцев тихо сидел в уголке и внимательно следил за женщиной. Зрительная память у Зои Константиновны оказалась на удивление хорошей, она чуть ли не с ходу помогла составить сразу несколько фотороботов. После чего Усольцев вызвался отвести её домой, и женщина не стала отнекиваться.

Как-то так само собой получилось, что оперативник остановил автомобиль возле уличного кафе, мимо которого они проезжали. Ленивое августовское солнце золотило верхушки тополей, толпившихся недалеко от дороги. На газоне цвели однолетние георгины, петунии, настурции. «Всё-таки жизнь прекрасна, – подумал Усольцев, – несмотря на превратности судьбы, время от времени поджидающие некоторых из нас за каким-нибудь поворотом. Так что не стоит лишать себя простых и доступных каждому радостей жизни». Он тут же укорил себя: «Философ выискался». И улыбнулся своим мыслям.

– Вы чего, Константин Владимирович, надумали? – спросила она.

– Ничего я не надумал, – ответил он, помогая ей выбраться из салона, – просто мороженого захотелось. Вы ведь тоже,

Зоя Константиновна, любите мороженое?

– Люблю, – кивнула она, – а как вы догадались?

– Я заметил, что у нас с вами много общего, и подумал, что, раз я люблю мороженое, вы тоже его любите, – он соорудил уморительную рожицу.

– Ну и хитрец же вы, – рассмеялась она.

– Пойдёмте, – он подал ей руку и повёл к ярко-оранжевому зонтику, похожему на летнее солнце.

Когда они сели за столик, женщина то ли задумалась о чём-то, то ли загрустила.

– Вы чего пригорюнились, Зоя Константиновна? – спросил лейтенант.

– Да вот думаю, что скоро осень.

– Осень? – переспросил он. – Так ведь ещё самое начало августа. А теперь и в сентябре может быть лето.

– Я не об этой осени, – ответила она и посмотрела ему прямо в глаза.

– А о какой же? – заморгал длинными, как у девушки, ресницами старший лейтенант.

– О бабьей.

– О бабьей? – удивился он, а потом спохватился: – Что это вы выдумываете, Зоя Константиновна?! Вам до осени ещё, как мне до пенсии! Как медному котелку!

Она невольно рассмеялась. Довольный тем, что развеселил её, оперативник заказал мороженое и безалкогольный коктейль.

То, что женщина любит мороженое, он понял, как только она зачерпнула первую ложечку и поднесла её ко рту. И в этот момент неожиданно для него самого с его губ слетели слова:

– Зоя Константиновна, может, отбросим наши отчества?

– В смысле? – медленно произнесла она.

– В том смысле, что вы Зоя, а я Константин.

– А разве так можно? – Она стрельнула в него лукавым глазом.

– Служебная инструкция этого не запрещает, – ответил он, тщетно стараясь придать лицу серьёзное выражение.

Женщина прыснула со смеху, и он рассмеялся вместе с ней. Обоим было жаль, что посидеть за столиком им пришлось недолго. Усольцеву нужно было возвращаться на службу.

Он высадил её возле дома и проговорил тихо:

– До вечера, Зоя?

– До завтрашнего вечера, – так же тихо ответила она.

Он кивнул, давая понять, что понял, и добавил:

– Я позвоню.

Она не стала дожидаться, пока он уедет, почти бегом заспешила к крыльцу и юркнула в подъезд.

«Я ведь собирался начать крутить с ней роман, когда завершится это дело, а оно вон как всё повернулось, – подумал Усольцев, и сердце его ёкнуло. – Кажется, я попал всерьёз и надолго». Но эта мысль его почему-то нисколько не

опечалила. «Чему быть, того не миновать», – вспомнил он присказку своего деда.

Эксперты изучали и сравнивали отпечатки пальцев, обнаруженные в квартире Игнатьева. И надо сказать, что отпечатков мужских пальцев было огромное множество. Сразу даже трудно было представить, сколько же всего мужчин побывало в этой квартире. Среди них были оставленные довольно давно и те, которые появились в квартире сравнительно недавно. Начали с наиболее поздних.

Одни из них принадлежали некому Эдуарду Васильевичу Смороднову, образцы которого по счастливой случайности оказались в картотеке. Парень проходил свидетелем по делу о распространении наркотиков. Однако улик против него никаких не было, одни подозрения, и гражданин Смороднов отделался лёгким испугом.

Впрочем, Эдуард Васильевич и на этот раз не испугался, увидев сотрудников полиции на пороге своей квартиры.

– Чего на этот раз? – лениво зевая, спросил он.

– Отпечатки ваших пальцев обнаружены в квартире Севастьяна Павловича Игнатьева.

– Никакого Игнатьева я знать не знаю, – ответил не моргнув глазом Смороднов.

Оперативник назвал адрес.

– Адрес вроде бы знакомый, – задумался на минуту Эдуард Васильевич.

– Вы встречались там с некой Анжеликой.

– Ах, с Анжеликой, – закатил глаза Смороднов, – действительно, было дело. Встречался пару раз я с дамой, носящей это имя.

– Значит, вы не отрицаете, что посещали названную квартиру для встреч с блондинкой?

– Точно! Не отрицаю.

– И давно вы с ней встречались?

– Последний раз недели две назад. Но я что-то не пойму, какие ко мне могут быть претензии? Мы с ней оба совершеннолетние, свободные люди.

– Вам, случайно, не знаком Евгений Юрьевич Морозов?

– Нет, а кто это?

– Надо думать, ещё один любовник вашей пассии.

Смороднов презрительно фыркнул.

– Расскажите нам, где вы познакомились с Анжеликой?

– Познакомились на сайте знакомств. Где ещё сейчас можно знакомиться, – пожал плечами недоумённо Эдуард Васильевич. – Анжелика мне сразу понравилась. Денег она не брала. Но темпераментная – страсть! Какие штуки она в постели вытворяла! Ни одна профессионалка со мной такого не делала. Вот только она оказалась явно старше, чем указала в анкете, размещённой на сайте, хотя это ерунда. Тем более что секс эта выдумщица предпочитает при свечах.

– В какое же время суток вы с ней встречались?

– Я приходил всегда затемно, и всегда уже по всей квар-

тире горели свечи. Все лампочки выверчены.

– А в туалете тоже свечи?

– Нет, так на шкафчике есть лампочки, их достаточно.

– А вам никогда не хотелось увидеть её при свете дня?

– Хотя я не настолько романтичен, – хмыкнул Смороднов, – но и у меня возник один раз соблазн. Я прихватил фонарик и хотел его включить. Мне показалось, что она уже спит, утомлённая нашими бурными и продолжительными слияниями, ну я и достал свой фонарик, – мужчина усмехнулся и замолчал.

– Что же вы, Эдуард Васильевич, – поторопил его оперативник, – продолжайте. Удалось вам рассмотреть свою любовницу во всех подробностях?

– Какой там! – отмахнулся Смороднов.

– Что же вам помешало?

– Сама Анжелика и помешала, только навёл на неё луч, а она как врежет мне промеж глаз! Я еле на ногах удержался!

– Видно, не все силы на вас Анжелика во время секса истратила, – не удержавшись, съязвил оперативник.

Но Смороднов не заметил или не захотел заметить его иронии.

– Силушкой её бог не обидел, – ответил он мечтательно.

– И она вас выгнала?

– Не совсем.

– Что значит не совсем?

– Гнала меня толчками до прихожей. А потом мы поми-

рились, – Смороднов усмехнулся, – правда, она меня предупредила, что если ещё раз попытаюсь, то она откажет в наших следующих встречах. А где я ещё такую Клеопатру отыщу?!

– Вам виднее. А сейчас прошу вас посмотреть на эту фотографию, – оперативник положил перед Смородновым фотографию пенсионерки Лилии Вадимовны Арефьевой.

– Кто это? – удивлённо спросил мужчина.

– Мы думаем, что это и есть ваша Анжелика.

– Смеётесь, что ли?!

– Посмотрите получше.

Смороднов протёр глаза.

– Нет, это не она. Невозможно, чтобы она была Анжеликой!

– Почему же?

– Анжелика, конечно, не девочка, но эта намного старше её.

– Вы, Эдуард Васильевич, – укоризненно проговорил оперативник, – упускаете из вида возможности современного макияжа.

– Но не до такой же степени! – Смороднов оттолкнул от себя фотографию Арефьевой. – Вы забываете, что кроме лица у женщины есть ещё и тело!

– Она спала с вами голая? – спросил оперативник в лоб.

– Вы чего, – неожиданно обиделся Смороднов.

– Эдуард Васильевич, я ведь спрашиваю не из-за любо-

пытства, а ради дела!

– Вообще-то, – признался нехотя Смороднов, – она всегда была в эротическом белье. Но тело у неё не дряблое! Это точно! – заверил он с излишней горячностью.

– Что ж, – оперативник хотел убрать фото.

– Погодите, – проговорил Смороднов, – дайте-ка ещё разок взглянуть. – Получив фотографию в руки, мужчина долго крутил её и так и сяк, вздыхал и потел, потом спросил: – А у вас нет её в неглиже? Мне бы было легче сосредоточиться.

– Чего нет, того нет, – ответил оперативник, пряча улыбку.

– Вот ведь незадача, – сокрушённо вздохнул Смороднов и спросил: – А как её зовут?

– Лилия Вадимовна Арефьева.

– Не Анжелика, значит, – мужчина почесал в затылке.

– Эдуард Васильевич, я не думаю, что ваша пассия называла вам своё настоящее имя. Вот вы, например, как представились?

– Эдиком, – обиженно засопел Смороднов, – мне скрывать нечего.

– А ей, я думаю, есть что.

– Мужа?

– Необязательно.

– Тогда что же?

– Возраст, например, – улыбнулся оперативник.

– Опять вы заладили, возраст да возраст. Многие, между

прочим, вообще любят женщин постарше!

– Но вы ведь не из их числа?

– Я не очень обращаю внимание на возраст, – признался Смороднов, – мне главное, чтобы не малолетка была и не старуха.

– Я вас понял, – сказал оперативник, – спасибо за помощь.

– Да чего уж там, – отмахнулся от него хозяин квартиры и даже не сразу пошёл провожать его в прихожую. И лишь когда полицейский стал закрывать за собой дверь, мужчина закричал: – Эй, постойте! – Смороднов вприпрыжку поскакал к входной двери своей квартиры.

Сотрудник полиции остановился, но входить снова в квартиру не стал.

– Вы что-то вспомнили? – спросил он через порог.

– Да! То есть нет!

– Так да или нет?

– Понимаете, я мог бы попытаться узнать Анжелику по голосу. У вас есть запись голоса той тётки, как там её?

– Лилия Вадимовна Арефьева.

– Так вот, у вас есть голос этого престарелого цветочка?

– Будет вам голос.

– Вот когда будет, тогда и приходите, – отрезал Смороднов и стал закрывать дверь.

– Минуточку, Эдуард Васильевич, – произнёс оперативник.

– Чего ещё? – недовольно донеслось через оставшуюся не

закрытой щель.

– Она не престарелая.

– Ага, – хмыкнул Смороднов. – Юная козочка!

– Во всяком случае, никакую женщину не стоит называть старухой, пока она сама вам об этом не скажет.

– Ладно уж, чего там, – недовольно пробормотал мужчина и закрыл дверь.

На самом деле в голове Смороднова занозой застряла мысль о том, что он спал с пенсионеркой и даже не догадывался об этом. «Если друзья узнают, – думал он, – засмеют! Тоже мне геронтофил нашёлся. Вот зараза!» – это обращение уже адресовалось Анжелике или, весьма возможно, коварной притворщице Лилии. «Это надо же, – продолжал возмущаться он, – просто оборотень какой-то в юбке».

Оперативника категорически не устраивало то, что Смороднов не узнал в Лилии Вадимовне Арефьевой свою Анжелику. Всё дело в том, что среди множества отпечатков мужских пальцев, обнаруженных на съёмной квартире, женские отпечатки были одни. И принадлежали они Лилии Вадимовне Арефьевой. И никаких следов пребывания в квартире других женщин не было. Не могла же эта Анжелика жить в квартире, не снимая перчаток. Не могла! Следовательно, вывод напрашивается только один! Как это ни фантастично звучит, Арефьева и есть та самая неуловимая Анжелика. Интересно, конечно, как ей удавалось обманывать стольких мужчин. «А Эдуард Васильевич-то расстроен не по-дет-

ски», – вспомнив выражение лица Смороднова, невольно рассмеялся полицейский. После того как не без активной помощи СМИ был создан культ вечной молодости и дамы бросились омолаживаться, кто как может, любители клубнички всё чаще стали попадать в сети коварных соблазнительниц, перешагнувших порог не только второй, но и третьей молодости. Как тут не воскликнуть вслед за классиком: «О времена! О нравы!»

И смех разобрал его пуше прежнего. Отсмеявшись, он подумал о том, что были когда-то и другие времена – бабушки были бабушками, повязывали платочки, пекли пироги, вязали носки и охотно нянчились с внуками.

Вернувшись в реальный мир, полицейский подумал о том, что начальство будет недоволено. Но ничего не поделаешь. Не мог же он вместо свидетеля опознать в Арёфьевой Анжелику. Тут он вспомнил о варианте, подсказанном самим Смородновым, и решил, что стоит вернуться сюда ещё раз и дать прослушать незадачливому любовнику голос Арёфьевой. А фотографию надо будет показать жильцам, проживающим в доме, где находится квартира Игнатьева. Вполне возможно, что кто-то из них и признает в пенсионерке квартирантку Севастьяна Павловича.

Глава 6

Вечерело. Косые лучи солнца падали на дорогу. Сквозь раскрытое окно в комнату втекал опьяняющий аромат петуний. На лейтенанта Уварова он действовал расслабляюще. Он даже подумывал о том, чтобы закрыть окно. Но тогда нужно будет включить кондиционер, то есть сделать сразу три дела – встать со стула, закрыть окно, включить кондиционер. Лейтенанту же хотелось просто сидеть и не шевелиться. За день он набегался вдоволь и теперь у него, как говорила его прабабушка, язык был на плече.

Однако встать ему всё равно скоро придётся. «У нормальных людей заканчивается рабочий день, – думал лейтенант, – кого-то из них ждёт душ, махровый халат, удобные тапочки и вкусный ужин, более молодых – свидание с девушкой или посиделки с друзьями. А у оперов рабочий день ненормированный, – Уваров вздохнул. Он прекрасно помнил распоряжение капитана Турусова ещё раз съездить в дом, в котором убили Морозова, и поговорить с дочерью и внуками соседки с первого этажа. – Может, баба Валя и ужином накормит, – в сладостном предвкушении лейтенант даже глаза закрыл. – Но нет, навряд ли, – тотчас прогнал он свои грёзы. – Надо идти, – решил он, – наверняка семья Гавриловых уже собралась за ужином. Если, конечно, внучка не упорхнула на свидание, а внук не умчался к друзьям». Ува-

ров поднялся с насиженного места, потянулся всем телом, потряс каждой ногой в отдельности и, выйдя из кабинета, закрыл его на ключ. Все остальные сотрудники уже разлетелись по своим делам.

Лейтенант решил поторопиться, ведь чем быстрее он выполнит поручение капитана, тем скорее сможет оказаться дома. А дома мама, бабушка, прабабушка, сестра. Короче, «бабье царство», которое охотно холит и лелеет своего единственного мужчину. Хотя, если быть до конца откровенным, в их доме обитала ещё одна особь мужского пола, которая тоже не была обделена вниманием. И даже больше того! Бывали такие мгновенья в жизни, когда лейтенант завидовал этой мужской особи. Потому что она могла валяться на диване, на любой из кроватей, спать в кресле, на подоконнике, в собственной корзинке и прочих приглянувшихся местах. Не стоит больше темнить – эта особь является котом Фёдором.

Машины у лейтенанта Уварова пока не было. Ездить на такси накладно. Поэтому Уваров заспешил к ближайшей станции метро.

В подъезд он просочился вместе с востроглазой девочкой школьного возраста. Войдя в подъезд, она оглянулась на оперативника и, увидев, что он направился к квартире на первом этаже, смело шагнула в сторону лифта.

Дверь Уварову открыла Валентина Кузьминична Гаврилова, или попросту баба Валя.

– Опять ты, милоч? – удивилась она.

– Здравствуйте, Валентина Кузьминична, – поприветствовал её лейтенант.

– Так вроде бы сегодня уже здоровались, – хитро стрельнула она в него ясными, как у молодой девушки, серыми глазами.

– Это верно, – делано сокрушённо вздохнул лейтенант, – но мне бы, Валентина Кузьминична, с вашими домочадцами пообщаться. Вы не подскажете, когда они будут дома?

– Чего же сказывать, – улыбнулась Гаврилова, – вон они, все дома уже, сидят во всеоружии.

– В каком ещё всеоружии? – растерялся лейтенант.

– Заходи, увидишь, – пригласила его баба Валя.

Лейтенант отважно перешагнул через порог и устремился вслед за хозяйкой в глубь квартиры.

Вся семья Гавриловых собралась в большой комнате, которая, видимо, заменяла им гостиную. Домочадцы точно были во всеоружии, так как сидели за столом и, вооружившись ложками, ели волшебно пахнувший борщ.

Лейтенант улыбнулся, оценив юмор бабы Вали, и в то же время почувствовал, как рот его наполняется слюной, а из живота доносится приглушённое, но явно возмущённое ворчание. Ещё бы! Дмитрий и не помнил, когда он ел в последний раз. «А борщ-то с пампушками», – подумал он невольно, остановившись у порога.

– Вот, к нам гость, – проговорила между тем баба Валя и

подтолкнула оперативника поближе к столу, – знакомьтесь, лейтенант Уваров! Расследует дело об убийстве в квартире нашего соседа сверху, Севастьяна Павловича.

– А имя у Уварова есть? – спросила симпатичная девушка с густыми, распущенными по плечам светлыми волосами. Глаза у неё были точь-в-точь, как у бабы Вали.

Лейтенант уже догадался, что это внучка старушки. «Красивая», – подумал он про себя.

– Я оперуполномоченный Дмитрий Михайлович Уваров, – представился он по всей форме и полез за удостоверением.

Но рука его застыла на полпути, так как миловидная женщина, сидевшая к нему спиной и обернувшаяся при его появлении, спросила:

– Значит, вы Дмитрий?

Он растерянно кивнул.

– А я Тамара Никитична, можно просто Тамара. Это моя дочь Леночка, – кивнула она на девушку, – а рядом сын Стёпа.

– Очень приятно, – отозвался лейтенант. Да и что ему ещё оставалось делать?

– Вы, Дима, – распорядилась Тамара, – идите в ванную, это прямо по коридору налево, и помойте руки.

– Зачем? – растерялся лейтенант, невольно вспомнив о чистых руках и горячем сердце.

– Ужинать будете с нами, – ответила Тамара и обратилась

к сыну: – Стёпушка, проводи гостя, а то вдруг он у нас тут заблудится.

Подросток кивнул и поднялся из-за стола.

– Что вы! Что вы! Спасибо, – запротестовал лейтенант, – я совсем не голоден.

– Иди-иди, ишь, чего выдумал, не голоден он, – ворчливо проговорила баба Валя, – а коли я возьму и обижусь?

– Она может, – заговорщицки подмигнула лейтенанту де-вушка.

Окончательно сбитый с толку, Дмитрий покорно поплёлся за Степаном.

– Да вы не бойтесь, – шепнул ему подросток, – бабушка только пугает. Она у нас добрая.

Уваров хотел сказать, что он, собственно, и не думал пугаться, но, вспомнив свою собственную бабушку Марию Фёдоровну, только согласно кивнул. Уж его-то бабушка точно обиделась бы, если бы кто-то осмелился проигнорировать её приглашение к столу.

– А вы правда из полиции? – спросил подросток, когда они по длинному коридору возвращались обратно в гостиную, и бросил на лейтенанта любопытный взгляд.

– Правда, – подтвердил Уваров, – с вашей бабушкой я утром разговаривал, а теперь мне нужно побеседовать со всеми вами.

– Побеседовать, конечно, можно, – напустил на себя важный вид Степан, – а что вас конкретно интересует?

– Честно говоря, – признался Дмитрий, – что конкретно может нам пригодиться, я не знаю, но хотел бы задать вам всем несколько вопросов. – Потом он посмотрел на подростка: – Вы ведь окажете помощь следствию?

– Почему бы и нет, – по-взрослому ответил Степан.

Когда они вошли обратно в столовую, Дмитрия усадили на уже приготовленный для него стул и поставили перед ним тарелку с дымящимся борщом.

Съев одну ложку, лейтенант не удержался и выдал борщу похвалу:

– Вкуснотища-то какая! Ум отъешь и пальчики оближешь.

– Это наша бабушка готовила, – сказала Лена, – она у нас мастерица на все руки.

– А вы? – вырвалось у лейтенанта.

– Я готовить не очень-то люблю, – сморщила свой маленький симпатичный носик девушка.

– У неё другое хобби, – вставил Степан.

– Наверное, неприлично спрашивать, какое именно, – обронил лейтенант.

– Да не слушайте вы его, – проговорила баба Валя, – Леночка всё своё время посвящает учёбе.

– Готовится профессором стать, – не удержался подросток и озорно подмигнул сестре.

– Профессором? – переспросил оперативник.

– Я учусь на кардиолога, – ответила девушка серьёзно. – А буду я профессором или нет, это ещё вилами на воде на-

писано.

– Будешь, будешь, – уверенно проворил брат, – куда же ты денешься.

– От вас я точно никуда не денусь, – рассмеялась девушка и спросила Уварова: – А вы, Дмитрий Михайлович, в полицию работать по призванию пошли?

– Просто Дима, – смутился Уваров и ответил неуверенно: – Насчёт призвания пока не знаю, но работу свою стараюсь выполнять добросовестно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.